

УДК 1(091)+165.9

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.3.023

АРХЕОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА: ПОТЕНЦИАЛ ПОЭЗИСА (статья 2)

В.В. Ильин*, К.В. Ильин**

*ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (Национальный исследовательский университет), г. Москва

** ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

Обостряя интригующий гносеологический сюжет: научная деятельность предметно удостоверительна, но с какой-то точки сатурации не инновационна; продуктивно расширительная научная деятельность предметно не удостоверительна, авторы намечают перспективы снятия коллизии.

В качестве положительного взгляда на природу вещей обосновывается: источник нового в ищущем духе – животворная сила предметно адаптированного воображительного начала, запускающего механизм продуктивных расширяющих синтезов.

Ключевые слова: эстема, поэма, воображение, продуктивный расширяющий синтез.

Периодически обостряемый нами будирующий сюжет когитальной сопряженности, едва не тождественности конструктивных и деструктивных актов в казусах мыследеятельности оригиналов и маргиналов [12; 13] требует наконец финализации.

Прелюдией проблематизации пребывает самоочевидный расклад: если допускать универсальную неотменяемую эпистемическую рациональность, остается загадкой технология появления нового:

- дедуктивное расширение, по-крупному, не обеспечивает достижения парадигмального нового;

- полная индукция для нетривиальных отсеков науки беспочвенна, бесполезна;

- неполная индукция в своей эвристичной функции (идентификация, экстраполяция, принцип свертки) не самодостаточна и недееспособна [9];

- традукция – не генеративный, а экспликативный прием;

- упования – на абдукцию, реализующую продуктивно-некумулятивные, ассоциативные способы идейного прогресса, действующие уникальное тропообразное моделирование.

Если сказанное *splendor sine orbe*, в корпусе знания, массиве его выработки, удостоверения, обоснования рано или поздно должны возникать лакуны, обнаруживаться диастазы, влекущие, так сказать, комплементарные компенсационные оргвыводы. В первую голову касающиеся диверсификации рациональности.

© Ильин В.В., Ильин К.В., 2025

Одна ее форма приравнивается к атрибутированию науки как умонастроения (внешняя демаркация), другие – к видоразличительным стратегиям объективации указанного умонастроения в пределах его специализированных компетенций (внутренняя демаркация обособленных частей науки). Необходимо понять и принять: разные фракции науки аксиологически неоднородны.

Классический подход такой необходимостью пренебрегает, вводя паушальную рациональность науки как познания из «вседостаточного основания»; иными словами, не озадачиваясь уточнением «меры» достаточности каких бы то ни было оснований и держась отчужденной бессубъектной версии знания *sub specie aeternitatis*. Отсюда – ставка на универсально-аподиктические эвидентные начала познавательного опыта в виде «врожденных идей», всеведущей «интуиции», «божественного откровения», кериgmатичного «живого знания», гарантирующие его безусловность.

Тоталитарные претензии системного нормативизма, лишаящие науку жизнеспособности (и подпадающие под оголтелую критику несистемного антинормативизма в лице смешивающего науку с ненаукой эпистемологического анархизма).

Не вдаваясь в оценку представляющих исторический рудимент курьезных взглядов, вникнем в составляющее интригу рефлексивно значимое.

1. Концептуальная инноватика не управляется и не направляется какой-то «общезначимой» процедурой; ее допущение – из разряда *scientia ex luna*.

2. «Оригинальное», созидательно-новаторски преодолевающее начинающее выказывать себя тривиальным «рутинное», оформляется своеобразно согласно ситуативным контекстуальным запросам снятия познавательных затруднений.

3. Ввиду признаков определенной определенности (перипетии лиц, событий, условий, идей) востребующих разрешения объективных коллизий не может быть воплощен проект «логики открытия»; нельзя выстроить внеконтекстуальной, надситуативной и вместе с тем предметной общей теории тока научных (и, конечно, социальных) революций.

Что можно выстроить, так это теорию сложных трансформационных процессов на широчайшем базисе продуктивной самоактуализации, инициативного автокаталитического формостроительства.

4. Сообразно различению *intra et extra muros* обособливается рациональность знания и деятельности: первая выражается «наукоучением» в стандартной формулировке Больцано (фиксаций правил изложения (демонстрации) истин в основных теоретических курсах – учебниках науки); вторая выражается учетом интенций (ввиду отсутствия правил), нацеливающих на получение нетривиальных истин в поисковых актах.

5. Генерация нового – не методична, не системна – не допускает операциональной схематизации, канонизации. Понимание чего создает плацдарм размывания границ науки–ненауки, когнитивного сближения

характера «образного письма» в добропорядочных и ущербных мыслепородительных починах.

Hic Rhodus, hic salta.

В наиболее четкой и емкой перспективе сюжетики творческого обновления тезауруса (образосферы) покрывается контуром животрепещущего: как выступающее «людической» формой свободно действующей субъективности мыслепородительное предприятие избегает провалов в одиозное состояние мыслеизвращения, мыслеперерождения. Или иначе – проще, короче, острее – что предотвращает вырождение «эвристического» в «патологическое»?

Ранее [12] подчеркивалось сближение гениальности с помешательством. Действительно. В эмпирически очерчиваемых локусах – дикарь, душевнобольной, первопроходец науки – усматривается типологичный подрыв *ratio*-образующих канонов, предобусловливающих переход в ино-мирие с релевантными ему «девиантными» (как минимум квазирациональными) мыслесопроводительными аксессуарами.

Народы, располагающиеся на низших ступенях цивилизации, имеют склонность осваивать мир центрированием фетишистских, гилозоистских, анимистских, аниматистских, социоморфистских гештальтов.

У носителей психопатологии (психопаты, душевнобольные широкого профиля) наблюдается характерный тип ментального расстройства, связанный с переживанием мироотчуждения; наполнение мыслеобразов грезовым, кажимым, призрачным составом имплицитно разрушительную дереализацию, самоутрату.

Первооткрыватели сознательно отступают от правил стандартного мыследействия, методологически интерпретируемых как керны «нормальной» науки. С одной стороны, действовать стандартно нормально – «нормально». С другой стороны, действовать трафаретно-подражательно – «не нормально»! Еще Гораций именовал подражателей – рабским скотом: *O imitatores, servum pecus*. Плачевен итог: все – плохо! Однако наихудшее – сопротивление рутине, поход против нормализованного нормального... Здесь мы сталкиваемся с самым «патологичным»: «ненормальной» борьбой с нормальным во имя более нормального. Это – повсеместно осуждаемое недопустимое раскольниковство, ранее же упоминавшееся [12] отщепенство.

История науки изобилует битвами с борцами, фигурально выражаясь, *coelis exploratis* как носителями самовольной забавы ума.

В сухом остатке – неприятный сорит: действовать нормально – консервировать; консервировать – искоренять прогрессизм; искоренять прогрессизм – лишать развития; лишать развития – фоссилизировать. Между тем во всех сценографиях познавательной деятельности именно фоссилизация, когнитивная догматизация выставляется шиболетом антинауки.

Спасает диверсификация научной рациональности, предусматривающая в науке переднего края легитимацию антидогматических настроений: заточенная на искания деятельность активного поиска регулируется

нестандартными ценностями инноватики. В злополучный момент обнаружения, что методы получения знаний в науке противоречат знаниям, получаемым с их помощью, [18, с. 7] под неустанным давлением чувства реальности санкционируется ревизия нормативного поля «нормального» с оправданием «отщепенства».

Отщепенство – выморочное состояние разрыва с узаконенным, выхода в ненормированное, вызывающее дерзкое, бесстыдно-наглое. Как и всякое нахальство, бесцеремонные ментальные эскапады встречаются в штыки, что подтверждается устойчивой неодобрительной реакцией научной общественности буквально на все крупные когнитивные взрывы-сдвиги. Таково, к слову, настороженное отношение к новациям Лавуазье (теория горения), Галуа (теория конечных полей, теория групп), Гамильтона (кватернионы), Дарвина (эволюционизм), Эйнштейна (релятивизм) и др. (сходная реакция на покушение на «нормальное» – в гораздо более «свободном» искусстве, разумея достаточно острую атаку на «дестабилизирующие» новшества Глинки, Веберна, Равеля, Чехова, Шенберга, тем более – декадентов, авангардистов, модернистов).

Генеральная квалификация отщепенства как подрыва наряда, порядка, нормы, правила, последовательного размеренного хода вещей справедлива; далее справедливость ее конкретизируется сообразно интерпретации реализуемости через рефлексию характера объективации. Итак, выявимы три ареала «патогенного» когитального отщепенства: архаичное мышление допотопного человека (а); мыследеятельность душевно больных (b); нестандартная мыслеобработка реалий пионерами-оригиналами (с). Три вида образного письма, заслуживающие трех видов комментариев.

(а) Отгороженный от цивилизации дикарь проживает в синкретичном дуплексе обеспечивающих архаичный мутуализм симбионтов: мире и мифе. Один позволяет выживать, другой символически подготавливает выживание.

Причудливое переплетение предметоцентричных и символюцентричных эргономических комплексов и есть шиболет пралогического миромифологического единства, где реалистичное (императивы W_0) наслаивается на нереалистичное (императивы W), подлинное на мнимое, посюстороннее на потустороннее. Атрибутика натурального обволакивается атрибутикой супранатурального; признаковая определенность SR (объективная реальность) опосредуется признаковой определенностью SF (символические формы).

Чтобы жить, требуется пролонгировать вершение жизни предметоцентричными технологиями, которые *per se* – не самодостаточны, вписаны в контур символюцентричных технологий ритуально-обрядового назначения.

Цицероновское *самой природой не дано нам познать пределы вещей* точно схватывает существо обсуждаемого. Скажем, житейское обыденное стандартное действие – посадка льна – инкорпорируется в магическое

церемониальное таинство: обрядовую священнодейственную сакристию. Именно: дабы «лен родился хорошо, бабы кладут в мешок с семенем печеные яйца ... мужик, который будет сеять лен, должен подбрасывать эти яйца как можно выше, потому что чем выше будут подброшены яйца, тем выше вырастет и лен. Еще интереснее другой обычай, при помощи которого бабы «обманывают лен». Для этого при посеве льна баба раздевается донага в том расчете, что лен, глядя на ее наготу, сжалится над ней, подумает: «Это баба бедная – у нее даже рубашки на теле нет, надо будет пожалеть ее и получше уродиться» [17, с. 375]. Объективное сливается с субъективным; забота смешивается с забавой; цветки рисуются с запахом!..

Миром правит образ, стесняющий естественный порядок мира. Сколько же на свете пустого, – потрясая Луцилий.

По ходу отправления высокоадаптивных (завязанных на учет SR) действий, генерализации эмпирически верифицируемых продуктивных зависимостей производится расщепление анцестральной бивалентной формы мироотношения с обособлением в ней предмето- и символоориентированных магистралей. Последнее намечает и отмечает формативный период глубоких ментальных и социальных перемен: система жизнеобеспечения, обретая суверенность, не нуждается более в образном сопровождении. Техники пролонгации существования, объективные приемы поддержания жизни консолидируются в предметоориентированном поставе, дают начало цивилизации с обслуживающей ее нозматичной рациональностью. Обрамляющий жизнепроизводство обрядовый, ритуально-культовый элемент консолидируется в символоориентированном поставе, дает начало культуре с обслуживающей ее эстематичной рациональностью [5].

Когнитивный типаж (воспроизводимый в онтогенезе ребенка), подходящий обстоятельствам жизни дикаря, – непосредственное переживание очувствленно-одухотворенной действительности, оказывающейся непроизвольным местом бесцеремонного вторжения субъективных (SF) сил в объективную (SR) историю.

(b) Ментальный типаж дикаря с пралогическим синкресисом SR – SF (мира – мифа) гносеологически идентифицируется как акаузальное (с точностью до ситуативного обеспечения эффективности прагматичных жизнеобслуживающих технологий – капитальное строительство, производство продуктов питания, ориентирование на местности, мореходство и т. п.) отношение к действительности через копулу «причина – значение». В антецеденте не только природная, но и сверхприродная основа (гром – недовольство громовержца), – точно рябь в глазах, искажающая первоисточную данность предметов действительности, имплицитующая квазидетерминистскую трактовку событий с «двойным дном» в консеквенте, а именно: происходящее не столько «происходит», сколько «знаменует», предопределяя

- онтологическую мультипликацию: оборачивание сущего в пролиферации смыслозначимости задействованием прозопопеи (олицетворение);

- поведенческую инициацию: символизацию деятельности в пролиферации технотехничности обволакиванием жизнеподдержания ритуально-культовым декором.

Разумеется, подобная комбинация эволюционно бесперспективна, саморазрушается объективной логикой наращивания адаптивности в пролонгации общечеловеческого существования, вершении родовой истории. Последнее, собственно, вызвало обозначенную выше благодатную дивергенцию архаичного воспроизводственного комплекса на цивилизацию (средоточие индустриального органа предметной обработки, переработки вещества природы для материального прогресса) и культуру (от «культы») – средоточие символического органа образной обработки, переработки человеческого вещества для духовного прогресса).

На этапе архаики важнейшее стратегическое дело родовой эволюции налаживалось тактической автономизацией сугубо индустриальных (подготовка почвы к севу, сев) и ритуальных (обрядово-церемониальный эскорт) актов; одно инкорпорировалось в другое, но не подменялось, не истощивалось им (досадные курьезы смешения индустриальных и ритуальных технологий – специфическая нерациональная реставрация архаики, просматриваемая в наши «просвещенные» дни: молебны, религиозно-мистические адресации к Всевышнему, святым для благосклонного вмешательства с целью решения сложных, судьбоносных проблем; лечение страждущих сакральным цитатничеством канонизированных текстов в Китае времен приснопамятной культурной революции и т. п.)

Ввиду зашоренности сознания символоемкими профетическими комплексами, профанирующими предметоцентризм расхожей умножающей сущности базовой концептуализацией реалити через связку «причина – значение», агент первобытности живет в многомирии, обусловливаемом казуальным метаморфозом субъективизируемого сущего.

Несколько иной диспозиционный антураж когнитивных самозаявлений лиц с поврежденной психикой (психоидов). Прямо формулируя исходный тезис, выскажем: в отличие от дикарей, психоиды осуществляют колдовство не в многомирной, а во внемирной субстанциальной организации. Причина того (в когитальном исполнении) – явная проявимость трех вирулентных «Д»: дереализации, дезориентации, деперсонализации.

Психосоматический фон патогенной деструкции – наследственные или приобретенные ущербы, ураны, лишения, утраты, влекущие деградацию кортекса, угнетение деятельности высших отделов центральной нервной системы (ЦНС), в особенности коры головного мозга, регулирующей, настраивающей психическую работу организма.

В случае разбалансировки контролируемых ЦНС стандартных автоматизмов (на стадии чувственности – расстройство афферентно-эфферентных потоков; на стадии мышления – расстройство способности суждения) регистрируется провальная симптоматика:

- делириозные помрачения (иллюзии, галлюцинации, бредни);

- онейроидные состояния (грезы, фантазии, сновидчество);
- мнестические диссоциации (квантование персонального опыта);
- умственная бессвязица как результат скачков идейных движений (ускорение тока мысли – подрыв дискурсивной континуальности; замедление тока мысли – пробуксовываемость репрезентационных фигур, нарушение линеаризации, выразительная вербигерация);
- наплывы мыслей (индукция беспочвенных переживательно-нестабильных программирующих самонастроек). Etc.

In toto – паллиативно компенсируемое и некомпенсируемое увечное безумие (амения), слабоумие (деменция) разной этиологии, но имманентной проявляемостью трех «Д»:

- дереализация: разрушение самоидентичности «Я» по времени–месту–действию;
- дезориентация: разрушение самоидентичности «Я» по идеомоторике, ситуативному самопредставлению;
- деперсонализация: разрушение самоидентичности «Я» по самоощущению, –

пакетное заявление которых отменяет состояние мыслительного нормосообразия, стандартной рациональности в редакции: недопущение раздвоения «Я» (самоотчуждение, самораспад, потеря самосознания, разложение самости); спонтанной немотивированной аффективной взрывчатости (мышления, поведения); неспособности к диалогической, монологической речи; засилье капсулизирующих сумеречных настроений, насильственных схлопывающих мыслей, невозможность соотнесения с собой содержания прошлого опыта и т. д.

Обследование нестандартных монадоподобных ментальных ареалов (в контексте темы «измененные состояния сознания») оправдывает перспективное различие «сумасшествия» и «безумия» применительно не к тривиальным (в гносеологическом понимании) психоидам, а к оригинальным измыслителям – придумщикам, воображителям, провидцам. Таковую дистинкцию эксплуатирует В. Марков, анализируя способ миропостижения Хлебникова, при всем том утверждая: «Сумасшедшим Хлебников не был, а был безумцем ... как Блейк, Гёльдерлин, Ницше, Ван Гог и др. Безумие давало великие образы искусства и величайшие прозрения» [19, с. 12].

Перед нами казус, связанный с отрешением от мира не во имя внемирия (вынужденная патология, востребующая санационного вмешательства), но во имя, как это фундируется самомотивацией, сверхмирия (типологичные вариации обсуждаемого – сценографии действительности Кисина – люминизм; Перелешина – фуизм; Ларионова – лучизм и т. п.). Так, Хлебников предполагал постигать реалии не пятью чувствами, а одним (сенсорно-переживательный унитаризм). Как именно? Целокупно обнимать одним взором (вне темпоральной размерности) весь универсум фактического в его «высшем смысле». В качестве живо-цельного, системообразного единства [2, с. 70].

Головоломная, завораживающая манифестация космоисторического сверхмирия! Не имеющая, правда, нам известного ни онтологического, ни гносеологического фундамента (практикуемые в подобных эксцессах надсадные ссылки на «живое», «цельное» знание, «священное безумие» (пока?!) неосновательны и неопределенны).

Завершая эту часть изложения, призываем тем не менее серьезно отнестись к дару «видеть сквозь время». Апеллируем к Шкловскому, сообщаящему: «Хлебников в 1912 году написал маленькую страничку, которая называлась “Разговор учителя с учеником”. Там были написаны с одной стороны названия стран – Ассириававилония, Парфия, Афины, Рим, Франция; и кончалось это так: “Некто 1917 год”. Я спросил у него: “Ты думаешь, наша империя разрушится в 1917 году?” “Пока получается так”, – ответил он» [24, с. 239].

Для безумно-сверхумного – *factum notorium*; для прочих – *factum probantum* с востребованием демонстрации, которая, вопреки Цицерону, не ослабляет очевидность.

(с) Дикарь погружен в много-мирие; психойд – во вне-мирие; провидец-безумец – в сверх-мирие; первопроходец-ученый – в ино-мирие. Модификации базовой семантической основы передают идею варьирования миро-обретения.

В паушальной гносеологической квалификации первый, второй, третий эпизоды – эндемичное заявление «неразумия». Первый и второй – по причине недостатка разума: сна разума, который в гиперреактивном состоянии рождает чудовища; третий – по причине избытка разума: бодрости разума, который в гиперактивном состоянии рождает чудеса. Четвертый эпизод – космополитичное заявление творческого разума в обстановке дефицита идей.

В порядке предварения последующих рассуждений сфокусируемся на «дефиците идей», – иначе говоря: нехватке знаний о познаваемом.

С позиций семантики подобные ситуации отличает невозможность приписывать изучаемому смысл (есть явление – шаровая молния – нет концептуализации), уточнять его значение (есть идеалии – π , e , идеалы – «светлое будущее», нет материализации). Классические экзemplификации «незнания познаваемого» – капитальные трансцендентные идеи Всевышнего, Сущего, Духовного «в себе» «как такового». Их естественная генерализация влечет более емкое, что есть «Все» как цельно-единое абсолютное, так сказать, *ens realissimum*.

Такие постановки исключают возможность предпринимать семантически осмысленные разыскания. Исключают вследствие полной недостаточности оснований комбинировать добротными суждениями в опоре на представительный материал.

Нет света в тенетах. Последнее подтверждают отказы от попыток высказывать о трансцендентных абсолютах в первых философских системах. В индуистской Адвайте бытие есть, закона его нет (беззаконность сущего

суть несхватываемость его тематизирующей способностью суждения); в даосизме «подлинное» дао не сказываемо (несказываемость аутентичного дао суть несказуемость его – неукротимость предикативностью).

И там, и тут – немыслимость, безымянность.

Гносеологический тупик, который *ipso facto* в сфере духа велением имперфектной стати самовозрастающего искателя-сапиента [11], природа которого – по показаниям Овидия, Плиния Старшего, Эразма – жаждет новизны, требует преодоления. Выход из него (тупика), натурально, находится; сопряжен он с опробованием двух путей: очень плохого и плохого.

Один – радикальный отказ от услуг *ratio* с апофеозом недискурсивных, медитативных техник постигания несемантизируемых начал, трансцендентных абсолютов – декларируется (без особых надежд достижения конца и уяснения) мистическим герметизмом [6].

Другой, не отпуская поводьев *ratio*, предусматривает освоение незнаемого модельным отскоком в ино-мирие, – *als ob* подменой актуальных, безусловных, реальных обстоятельств W_0 потенциальными, условными, квазиреальными их репрезентациями-инкарнациями в W . Перегонка субстанциальной атрибутики W_0 в W производится описанным ранее [9; 10] механизмом тропных морфизмов, заключающимся в отобразительной имитации определенности объектов одних множеств через другие. Мотором такого в тесном смысле слова животворного преобразовательного механизма выступает использование модельного залога *de dicto*, подкрепляемого усиливающими его продуктивную мощь конструктивными особенностями

- контингенции: директивная линия косвенности, опосредованности, инаковости отобразительных преобразовательных перелицовок (предовращение наивного реализма, феноменализма, тривиального ассоцианизма);

- идиогении: директивная линия на запрет прямой онтологизации образных конструкций – предовращение гипостазиса; недопущение некритичной реификации контента «образного» письма.

Используем мыслеемкий хиазм: мечтать не вредно, вредно не мечтать. Порождающей структурой инновационного расширения образосферы выступает мечтательно-вообразительная локомоция, катализирующая продуктивные способности души в людических упражнениях созидать вымыслы.

В эстеме масштаб инноватики определяется высотой, духоподъемностью высвечивающих правду жизни человекостроительных идеалов [13]. В нозме однопорядковый масштаб задается фундаментальностью, эвристической силой, информативностью миропонимательных представлений.

Обратим внимание: фикс-пункт нововводств – измышление!

Измышление... именно им, как подмечал Катон Старший, искусство обманывает (!) искусство, а (добавим от себя) наука – науку.

Этимологически из-мышление толкуется как выдумать, придумать, изобрести «из»-мышления, – самого себя. Гносеологически подобный акт

толкуется как автокаталитическая продуктивная реакция инновационного наращивания диапазона

- фактического: количественно-качественным раздвижением границ известного по объему присовокуплением к W_0 дополненной (!) W -реальности;

- герменевтического: образно-семантическим раздвижением границ известного по содержанию выразительно-истолковательным усилением, углублением внутри-, междисциплинарной, общенаучной картины мироздания.

От отщепенства через обман к измышлению – инициацией автокаталитических продуктивных расширяющих синтезов, задействованием механизма тропных морфизмов, налаживанием людических *als ob* моделирований, – такова лаконичная формула креативного образного письма, призванного достигать-постигать независимую от человека-человечества объективную истину. К истине через ... фривольные имитационные экзерции? Достойно вергилиевского изумления: *ah, Corydon, Corydon, quae te dementia cepit!*

Тем не менее, принимая в расчет магистральную интенцию имперфектной антропной природы на самообусловливаемое внутреннее прогрессирование, применительно к исполнению проекта «археология творчества» мы вынуждены признать: общеизвестные сентенции (к высокому через трудное; через теснины к вершинам; через тернии к звездам) при придании им гносеологической редакции должны быть переформулированы только так: к высокому (новому – глубокому) – через воображительное сочинение, измыслительное придумывание, которое, по Публию Сиру, освобождает от самой тяжкой власти – власти привычки.

Гносеологически привычка – не вторая натура, а косное обременение, по мысли Цицерона, лишаящее вселенную разума света Солнца.

Превозмогает привычку лучистая энергия вымысла, возбуждающая воображительное движение в перекрывающем мир ино-мирии, освоение которого производится свободно, но рационально не беспорядочно. Предел волюнтарному сдвигологизму в эстеме полагает

- социальный, экзистенциальный идеал: версификации первого, скажем, Ануй посвятил цикл «черных пьес», второго – цикл «розовых пьес»;

- значимое «чувство жизни»: эстетизацию действительности Магритт подчинял пропуску массива явленности через реперы образной триады: «яблоко – трубка – котелок»;

- заявление творческой правды (обостряемая Гёте тема «поэзия – правда»), способной а) отображать реалии: игровой «Евгений Онегин» суть «энциклопедия русской жизни»; б) антиципировать будущее: примечателен тот факт, что А. Толстой, пославший план-проспект романа «Гиперболоид инженера Гарина» в «Государственное издательство», указал в нем: «Время действия (романа – авт.) – около 1930 года. Роман разворачивается на фоне

кануна второй мировой войны»; игровая идея суть «прозрение мировой жизни».

Погружение в ино-мирие в творческом топосе «эстема» обслуживает экспозицию идеалов человеческой правды с креном в сторону достижения совершенно-мирия. В противном случае – ни Богу свечка, ни черту кочерга: бесплодный сизифов труд, не приносящий катарсического умиротворения (человекоразрушительный контркультурный театр абсурда).

Сродни образолобивой эстеме – образолобивая нозма, использующая типологичные техники организации ино-мирия применением als ob приемов когнитивной обработки-переработки предметной основы W_0 в коннотативную ей предметную основу W по изобразительно-выразительному движению от *res extensa* к *res cogitans*.

Упоминаемые выше заострения, разукрупнения вкупе с дополняемыми функционально родственными им олицетворением, воплощением, озадачением, остранением пазиграфически очерчивают процедурный остов выделявания всех и всяких «произведений» образосферы. В части профессионального развития инструментария эстемы обособливаются героизация, гиперболизация, персонификация, абсолютизация, типизация и т. д. В части нозмы – гомологичные идеализация, схематизация, проблематизация, идентификация, универсализация, субстантивация и т. д.

В эстеме ферментацией образного письма служит допущение-преодоление локально-тотального гуманитарного катастрофизма [24] с ферматой на творчески окормительной перестройке сознания. В нозме таковой ферментацией оказывается допущение-преодоление локально-тотального когитального нигилизма с ферматой на творчески окормительной настройке сознания.

Малые различия под сенью великих.

В достижении основательности эстема поднимает на щит апологию с ее спутниками – пафосом, апофеозом (императивы SF); в достижении фундаментальности нозма поднимает на щит апробацию с ее спутниками – аналитикой, критикой (императивы SR).

Clara voce – все сказано.

Пункт эпистемического расхождения двух видов образного письма – ролевая дивергенция креативного процесса (отсутствующая на стадии античного культурного синкресиса, сочетающего эстемную и нозмную позиции духопородительной деятельности: «поэтические» исполнения космологических, природоведческих произведений досократиками, Платоном, Лукрецием и др.), начинающего утрировать то артикуляционные, то субстантивационные отношения и сосредоточиваться на их специализированном обследовании и развертывании.

Голая суть в том, что являющееся орудием исполнения образного письма образное слово вначале «звучит», потом «значит» (особенность, обыгрываемая символистами). Профессионализирующийся опыт эстемы овладевает раздольем одного, опыт нозмы – другого.

Генеалогически и феноменологически дело выглядит так. Номологизация чередования долгих и кратких слогов в греческом языке положила начало выразительному моделированию (метрическая система как регуляризация формы внешней репрезентации). Номологизация чередований положения тел в пространстве положила начало представительному моделированию (геометрическая система как регуляризация содержания внутренней репрезентации).

Если осмыслено математическое различие «левой» и «правой» единицы, то осмыслено и различие «левой» и «правой» изобразительно-выразительной (эстема) и отобразительно-воплотительной (ноэма) репрезентации. И «левая», и «правая» единицы – «единица»: вырастают из единого, так сказать, анцестрального ствола, однако проявляют себя хотя и нераздельно, но неслиянно.

Невзирая на то, что гносеологически форма всегда содержательна, а содержание оформлено, эстема в фокусе внимания преимущественно удерживает «форму» образного письма, тогда как ноэма – его «содержание».

Hinc lucem et rosula sacra аутентичных конвейеров образозапускания.

Погружение в ино-мирие в творческом топосе «ноэма» подчинено задаче демонстрации значимости отобразительной правды с креном в сторону адекватности миро-понимания. В противном случае, по Гомеру, – бесполезное бремя земли – пустые занятия строителей воздушных замков – архитекторов несбыточного.

Опасения Канта по части расширения сферы познания участием воображения как рьяного индуктора фантазмагорий – беспочвенны и неуместны. Начать с того, что бесшабашного – ненормированного, нерегуляризованного (подпадающего под казус *разрешение некорректных задач некорректными способами*) – измышления, исключая навязчивую деменцию, человеческое образное письмо вовсе не знает.

И в эстеме, и в ноэме есть разрешенное и запрещенное, допустимое и недопустимое; есть допуски на предельные отклонения от неких жестко и не жестко, строго и не строго введенных норм, генерализуемых аксиологической, деонтологической формацией.

Как мы пытались показать, ответственная директивная оснастка творческой, по определению «произвольной» деятельности (творчество как отмена наличных «рутинных» стандартов и правил в пункте заявления инноватики, в том числе в науке переднего края, есть деятельность, выбивающаяся из нормы, т. е. ненормированно-произвольная), все-таки есть. В эстеме принимаются в расчет, утрируются изобразительно-выразительные идеалы «артистичности»; в ноэме – отобразительно-воплотительные идеалы «реалистичности».

Научное творчество направляется формирующими императивами SR, конституирующими предметный каркас любых, самых отрешенных разысканий.

Вникнем в принципиальное, преобусловливаемое диспозитивными, пропензитивными реперами.

Субстантивный срез

1. Системообразующие абстракции фундаментальных теорий генеалогически эмпиричны. Математические концепты «точка» – от «ткнуть», «линия» – от «льняная натянутая нить», «сфера» – «мяч», «куб» – «игральная кость», «конус» – «кегля», «трапеция» – «столик» [20, с. 215] etc. отвлечены от самых что ни на есть сермяжных реалий.

2. Достоверность абстрактных конструкций удостоверяется эмпирической интерпретацией. Выстроенные по гипотетико-дедуктивному методу, методу принципов теории с превалированием имитационного, мысленного, математического экспериментирования получают оправдание в экспериментировании натурном.

3. Фактурно, натурно более богатая объективная реальность озадачивает-озабочивает реальность отобразительную необходимостью включения в свой состав индифферентных ей свидетельств: пример реализованного – инкорпорированное в космологию «красное смещение»; пример не реализованного (голый неконцептуализированный факт) – планеты Солнечной системы обращаются вокруг центрального тела в одну сторону, Венера, Уран – в другую; все планеты вращаются единообразно вокруг собственной оси [21].

4. Признаковые параметры гомогенных сред модифицируют концептуализацию: пролиферация аппарата распределения вероятностей по схемам Коши, Максвелла, Пирсона, Рэлея, Стюдента, Хельмерта, показательного распределения.

Генеративный срез

Модельное просмотрение-просматривание, включая усмотрение внутренним (теоретическим) взором, благодатно обогащает действительность умственным умножением сущего. В реальности – некая амальгама характеристик, онтологически, событийно выступающая неким «взвешенным состоянием», своего рода дисперсной системой, представляющей многообразие фаз, фракций, волнистых прослоек, волокон в виде свилей, обременяющих или даже отменяющих их действительное изучение (невозможность опытной науки в Античности, Средневековье).

Переход из фактива в контрфактив, реалиса в кондиалис, актуатива в посессив выстраиванием искусственного русла сослагания, als ob отработанной трактовки происходящего сугубо наращивает потенциал мыследеятельности осмыслением не реального, но могущего воплотиться в реальности. Последним решается многопрофильная задача оформления концентрата идеального – пространства «недостижимого образца» (Маркс):

1. Дополненной (измышленной, сочиненной) реальности с главными персонажами (идеалами, идеалиями – образными конструктами,

вообразительными фикциями), позволяющими обследовать в незамутненном, «чистом» виде любую произвольно меняющую свои атрибуты «материю» относительно какого-либо заранее вводимого формата, масштаба (смена модального залога *de re* на *de dicto*).

2. Условно-образных олицетворений. Субстантивно вообразительные инсталляции – конструкты, фикции – суть нереальные констелляции-консистенции коррелятивных им реальных свойств, признаков, отношений, в залоге *in mente* играющих роль схематизирующих прозопопей.

3. Характеристических, доводимых до «безыскусственной правды» гипостатических признаков ассоциаций.

4. Типических проявлений, аппроксимация к которым выдается за «самое настоящее эталонное», вожденно-чаемое.

Сообразно п. 1–4 конкретизируем особенности образного письма.

(1) Нарочитая фокусировка, предвзятая трактовка, ангажированный разворот, умышенная точка зрения, мостящая путь в царство *res candida*, *actus rigus* (предел мечтаний амбициозного феноменологического проекта).

«Чистое» высшим богам угодно, – высказывает Тибулл. Но не им только. Угодно оно образописателям, доведением до «точек кипения» «теорийно» высматривающим, «что бывает» в падениях и взлетах, низинах и вершинах, зыбях и твердях, концах и началах, заходах и восходах, – в местах, где тухнут и вспыхивают звезды.

Гносеологически канализируя нескончаемые искания «вод чистых», обозначим самый фарватер движения идейных потоков расстановкой бакенов: финализация – инкарнация.

Финализация – сигнальный знак предельности: фиксированного константного состояния, к которому некие динамические явления (проявления) неограниченно устремляются. Цель финализации – достижение конечного пункта; средство финализации – приближение к нему. В более строгом функциональном выражении: если на множестве X введена предметная функция f , числовая маркеровка предметности «а» оказывается пределом f по направлению S , когда для всякого $\varepsilon > 0$ находится множество A из S – такое, что во всех его точках действует $|f(x) - a| < \varepsilon$. Иными словами, расхождение между признаковой определенностью направленно устремленных и неограниченно приближенных к пределу его меньше минимального.

По гносеологически обязывающему техническому движению «финализация» в эстеме вводятся идеалы; в нозме – идеализации. Таковы неоднократно упоминавшиеся эстематичная «женственность», нозматичная «инерционность».

Эстема предается тематизации «катастрофических» устремлений по направлению экзистенциальных переходов от «женственности» к «женщине». Нозма предается тому же только по направлению ментальных переходов от «тела» к «точечной массе».

Инкарнация – аналогичная сигнальная веха: не потенциально сближающихся, но актуально сближенных – слившихся с конечными пунктами состояний; состояний совпадения устремленных движений с пределами устремлений. В более строгом теоретико множественном выражении: состояний точек прикосновений – таких, что точка некоторого множества X ареала событий T во всякой своей окрестности имеет непустые пересечения с X .

По гносеологически обязывающей технике «инкарнация» в эстеме производится «героизация» – воплощение-овеществление сверхзначимых культурных черт (героика актуальных – потенциальных времен); в нозме – «идеализация» – воплощение-овеществление сверхзначимых натуральных черт (применением отождествления, идентификации создание искусственных абстрактных предметов, носителей онтологически и эпистемологически существенного: абсолютно черное тело (всепоглощающее падающего на него электромагнитного излучения); идеальный газ (пренебрежение силами межчастичного взаимодействия); идеальная жидкость (отвлечение от вязкости, теплопроводности); идеальный кристалл (бездефектный периодический строй) и т. д.)

Героизацией (художественная гиперболизация выдающегося), идеализацией (когнитивное «выпаривание» несущественно случайного) осуществляется образное разворачивание: сценографизация действительности с ее разновидностями – театрализацией в эстеме и моделированием в нозме.

(2) Концентрация схематизирующих атрибуций, признаковых ступеней позволяет проследивать специфические заявления-проявления определенных классов объектов, группирующихся по резко выраженным особенностям поведения. На такой диспозиции организуются в

- эстеме – ряды характеров (человеческих «масок», имеющих выделенные функции, играющих отличительные роли: людические личины «злодея», «демона», «правдолюбца», «дурака», «искусителя» и т. д.);

- нозме – ряды гомологов (структурно-композиционно подобных образований (химия, биология), выполняющих одинаковые (луковицы цветов и клубни овощей) или неодинаковые (крылья птиц и верхние конечности приматов) функции).

Систематизация характерно-гомологических связей имплицитно крайне эвристичные изыскания в сфере как художественного, так и научного опыта – теории отображений, преобразований, инвариантов, симметрии, ритмических, циклических процессов, параллелизма (от теории фольклора, морфологии сказки Проппа до теории автоморфизмов, Эрлангенской программы Клейна).

(3) Платонистское созидание идеалий, в качестве предметных инсталляций *in mente* наделяемых самостийным существованием. По правилу *что угодно в уме, то в нем и дозволено* идеалии обретают плоть реифицированных универсалий – под фирмой не имен (знаков), но обстоятельств, выражающих не сущности вещей, но существенные вещи.

В эстеме комбинируют олицетворительной человечностью; с легкой руки Горация «поросята эпикурова сада» – «чистые» воплощения – выхолащивают богатство человека многогранного абсолютизацией каких-то граней; целое подменяется ходульной частью; вводятся буквалистские гипертрофированные *alba avis*: Шейлоки, Гобсеки, Гарпагоны, Скупые рыцари, Плюшкины – мольеровско-немольеровские «скупые»; гоголевские манифестации прямолинейно-безоттеночного: беззастенчивого бахвальства (Хлестаков – конденсат хлестаковщины); беспочвенно благодушия (Манилов – конденсат маниловщины) и т. д.

В нозме комбинируют олицетворительной природностью, высвечиваемой светом онтологических допущений, гипотез существования, постулатов значения, смысловых калек, интерпретативных матриц [9], разбивающих единую дорогу восхождения к основаниям истины на отдельные никогда не повторяемые участки – фациальные интервалы [8], – атомистика как метафизический элементаризм (Левкипп – Демокрит – Лукреций – Зеннерт – Бошкович) и научная доктрина мира (Больцман – Смолуховский – Резерфорд – Бор).

Обозначенным вскрывается упрямая логика: на дополненном пространстве возможных событий (искусственный просцениум *als ab*) отслеживаются перипетии судеб фиктивных сущностей (модальный залог *de dicto*) в прозопопейной экипировке (воплотительно-олицетворительное *in mente*). Тройная производная функции «нереальное»! Что она обслуживает?

Закон реального постижения реального налаживанием «теорийного» угла зрения, позволяющего «чистым» взором модельных обозрений выявлять типически-номологическое в партикулярно-случайном.

(4) Дикарь, как младенец, – когнитивный рудимент, – непроизвольно путает вещь с образом вещи, хотя не по Горацию, но *mentis gratissimus error*, жизнедействует в паноптикуме (понимание сказанного отменяет невыверенный тезис эволюционной эпистемологии в аранжировке Фоллмера о наличии якобы врожденного (?) «аппарата отражения, который ... развит в ... родовой истории ... и дает возможность фактического приближения к внесубъективной действительности» [23, с. 36]. Поскольку никакого «врожденного», подобного указанному аппарату отражения не существует, эволюционная эпистемология должна выстраиваться на иных основаниях).

Пределы паноптикума в эволюционном эпистемическом мужании покрываются открытием портала мыслеобразного конструирования не от реальности, а от виртуальности – специфического «живым созерцанием» недействующего «чистого» понятия. Здесь – исток умственного прогрессизма, концептуальной инноватики, на что недвусмысленно, критикуя «рассудочное» познание, указывал Декарт, заявлявший: «...восприятие рассудком распространяется только на то немного (! – авт.), что ему представляется, поэтому познание» им «весьма ограничено» [4, с. 441]. В нужной нам транскрипции: фактуально (*sense data*) фундированная мыследеятельность демонстративна, но не эвристична: с определенного момента модельной

недостаточности перестает быть инспирирующей. Востребуется, следовательно, позиционная перекройка образного письма с освоения «вещей» на освоение «понятий» о них.

Однако же мыследеятельностьное освоение «понятий» – синтетическое духопроизводство «из»-мышления, как отмечалось выше, суть – измышление: безопорная спекулятивная логомахия. Раритеты последней в эс-теме – сдвигологические походы в сюр, абсурд, нонсенс (смещение сна-яви Г. Ивановым; реально-нереального Ремизовым); в нозме – однотипные же походы туда же по надуманным абдуктивно неправдоподобным маршрутам ad hoc концептуирования (толкование Лоренцем релятивистских эффектов как «подарков, ниспосланных свыше»).

В наиболее четкой форме обострим интригующий сюжет «демонстрация–инновация»; охарактеризуем подлежащую рефлексии ситуацию как патовую. Доподлинно, возникает заколдованный круг: научная деятельность предметно удостоверительна, но с какого-то момента не расширительна; продуктивно расширительная деятельность в науке предметно неубедительна. Между тем наука агрегирует как удостоверение, так и расширение.

Способом преодоления порочного затруднения оказывается уяснение порядка (переиначивая вагантов) вращения духопородительного колеса фортуны. Здесь в качестве *ultima ratio* требуют акцентуации колоссальной импровизационной мощи интеллектуальные действия:

- типизация: внедрение образных обобщений-концентратов универсально-эссенциального, проявляющегося в уникально-феноменальном;
- остранение: способ содержательного дистанцирования по приему идиогении, – тематизация предмета в терминах сближаемого с ним «иноного» как не причастного *ex se natus*;
- отстранение: разведение «оригинала» и «аналога» в схематических модельных репрезентациях.

Включением ПРС три в одном влекут

- конструирование «чистых» родовых форм-проявлений сущего как такового;
- конституирование олицетворительного пространства как средоточия всеобще-необходимой предметности;
- комбинирование фикциями, имитациями (не убоимся постмодернистского – симуляциями) как инкарнациями субстанциальной значимости.

Тем самым решаются профессиональные задачи

- эстезиса: прогрессирующим обустройством художественной реальности санируется человековедение;
- ноззиса: прогрессирующим обустройством научной реальности санируется природоведение.

Подальше положишь – поближе возьмешь, – к предметно безусловному через «беспредметно-условное», к действительному через возможное,

к наличному через мечтательное; – используя фигуру Августина, – к беседам с миром через беседы с самим собой.

Закон образного письма – закон «чистых» предметно сублимированных линий. В естественной действительной стихии существования вещь *in re* многостороння; как средоточие необозримого онтологического разнообразия когнитивно не схватываема – не рациональна. Переводом ее в искусственную стихию возможного существования *in mente* решается проблема ее рационального освоения: фокусировкой теорийного взгляда отсекаются «посторонние», «радикально не интересные» для исследовательской ситуации малозначительные сопутствования; феноменальная многосторонность подменяется эссенциальной односторонностью; понятийно невыразимая бесконечность индивидуальности (ср.: Лейбниц: мы не обладаем знанием индивидов, поскольку индивидуальность бесконечна [15]) заменяется понятийно выразимой «законченной» универсальностью; специфичность редуцируется к типичности – разворачивается достаточно формальная (в семантике: квазиреальная) калькуляция символических конструктов – предметно препарированных «выпаренных» образных форм.

Полагая существо последних в каком-то отношении уже проясненной [7], утрирует такие три момента.

Реконструктивность: обладая причастностью живому созерцанию, генеалогически образ вписан в предметную раму полномочий *causa proxima* – в эстеме: полагающей не смыслы, а отдохновение. Сошлемся на Клюева:

Вглядись в листопадную странничью даль,
В болот и оврагов пологость,
И сердцу – дитяти утешной едва ль
Почуется правды суровость.
Потянет к загадке, к свирельной мечте,
Вздохнуть, улыбнуться украдкой
Задумчиво-нежной небес высоте
И ивам, лепечущим сладко.
Примнится чертогом – покров шалаша,
Колдуньей лесной – незабудка,
И горько в себе посмеется душа
Над правдой слепого рассудка (! – авт.).

Фигура «правда слепого рассудка» точно передает худосочность рациональной неконкурентоспособности опосредованных достоверностей умственности перед полнокровностью чувственно налитых достоверностей созерцательности. Сошлемся на Тиллиха, усиливающего потенцию чувственной созерцательности морфологическим отчленением префикса: «со-зерцание» (*con-templation*): «Мы созерцаем таинственные силы (! – авт.), которые называем красотой, истиной, добром». Подметим, созерцаем не внутренним (калькуляция концептов), но внешним взором, постигая не рациональную «односторонность», но чувственную полноту предметности:

«мы не можем увидеть их самих по себе (т. е. как универсально-эссенциальные фикции – авт.), мы можем увидеть их ... в предметах и событиях» [3, с. 372];

- в нозме: полагающей предметно ориентированные смыслы, сошлемся на Кеплера, в оттачивании формулировки своих законов первоначально исходившего из равнодопустимости модельных средств разных замкнутых кривых; по ходу же адаптации геометрических репрезентаций к фактуре последовательно отбрасывавшего круг (использованный Тихо Браге), овал, овоид и, наконец, принявшего эллипс, чем добился согласования результатов (добытых Тихо Браге) наблюдений над орбитой Марса. Равно как – на немалую группу физиков (Френель, Стокс, Кельвин, Гретц, Мак-Куллох, Планк), решавших проблему верифицируемых свойств эфира, но ввиду недостижения привязки воображительных (импровизационных) концептуирований к опытным данным не решивших ее.

Конструктивность: объективные пределы диапазона разрешимости чувственно адаптированного умствования обуславливают опробование отрешенных комбинаций, не сковываемых ни достаточно вольной схемой абдукции: $A \rightarrow B$; B – удостоверяемо; поисково интерпретируемое A – вероятно; ни апелляцией к *causa proxima*.

Где и когда возникает потребность вводить зачастую лишенные (актуальных) значений смыслы, прибегать к помощи *causa remota*, там и тогда активизируется ресурс конструктивности (в семантике: креативность).

По части эстемы укажем на общую технику создания «идеальных» героев-масок, так сказать, «чистых» воплощений-олицетворений неких признаковых групп, их типических предельных инкарнаций. Здесь – образы «пламенных революционеров» (посвящающих себя служению одному (!) сокровенно-сакральному (!) делу «освобождения угнетенных – обездоленных»): спящих на гвоздях, т. е. предуготовливающих себя к лишениям-мучениям «во имя» торжества «высшего» – Рахметов; «синих чулков» – занимающихся «отрешенной» эмансипацией женщин; «великих комбинаторов» (Передонов, Остап Ибрагимович Бендер) etc.

По части нозмы укажем на

- упорные стремления Кантора диверсифицировать толкование множества разведением «многого как едино-неразличаемого» и «многого как едино-различаемого». Одно – единство: консистентная агрегация; другое – неединство: неконсистентная агрегация [14, с. 369];

- захватывающие движения от стандартного анализа Коши к нестандартному анализу Робинсона;

- инспирирующие сомнения Лузина, является ли последовательность целых положительных чисел (натуральный ряд) объективной [16, с. 708].

Подчеркнем: во всех упоминаемых казусах дело стопорится незнанием-непониманием существа «бесконечности», не являющейся предметом опыта и нуждающейся для своего изучения подключения ресурса

«измышления», осваивающего не имеющие значения «чистые» смыслы, как бы сказал Уайт – безнадежные символаты.

Продуктивность. В створе преследуемых целей уместно различать прагматическую и символическую продуктивность.

По поводу первой Бэкон замечал: «что в действии наиболее полезно, то и в знании наиболее истинно» [1, с. 82]. С позиций SR – капитально – это, конечно, не так: полезность и истинность не тождественны. Паллиативно же – прагматически-эффективное может выдаваться за истинное: в строительстве для простоты Земля объявляется плоской; в астронавтике орбиты космических аппаратов рассчитываются по классической, а не по релятивистской механике.

По поводу второй заметим: природа боится пустоты и в вещах, и в идеях; в дефиците опытно оправданных соображений поощряются вольные импровизационные броски мысли – измыслительство, которого, кстати, не гнушался Декарт, вопреки собственным правилам руководства ума впадавший в умо-зрения той же легализацией «вихревой» сценографии сущего, которая спустя время выказала исключительную плодотворность (положившая начало научной аэродинамике «вихревая» теорема Жуковского) (на фоне излагаемого потрясаясь незадачливости иных «текстоведов», по непрофессиональной неподготовленности клеймивших картезианскую вихревую модель материи тавром «пресловутая» [22, с. 367]).

Возникает необходимость рефлексивной реакции на так называемые символаты – умо-зрительные вообразительные порождения: что решает научную судьбу их возникновения и исчезновения? Приоритет здесь, по-нашему, принадлежит «духоподъемному окормлению». Действительно.

Эстема вправе комбинировать «чистыми» образами той же «пламенной революционности», культивируя в потребителях своей продукции некие достойные человеческие качества – подвижничество, бескорыстие, самопожертвование, любовь к дальнему, etc. Но не того более. Художественным способом можно развешивать катарсический идеал, но не требовать его внехудожественного – «внекатарсического» – обмирщения. Наставим: допустимо живописать героиню мировой линии «идеального» типа в романном (als ob) нарочитом (de dicto) возможном (in mente) пространстве W , но недопустимо, пренебрегая «остранением», героизировать (театрализировать) мировую линию просточеловека [11] – своеобразного агента W_0 , в силу отсутствия «заохоченности» непонимающего, для чего нужно «спать на гвоздях», и не желающего этого.

Совершенно очевидна недопустимость и лобовой интерпретации директивы пролетарского поэта «делать жизнь с товарища Дзержинского», судьбический багаж которого был отнюдь не безупречен, о чем сам Железный Феликс на закате дней своих в «момент истины» сокрушался, демонстрируя тем самым некомпенсируемый хиатус между обликом «лица» и «олицетворения».

Чему быть причастным – решается экзистенциально, минуя логику рифмы десижонизма, не позволяющего скалькулировать, жизнедействовать ли «свободной» или «связанной» (хотя и «героической» функцией) «переменной» (вспомнить Келдыша, покинувшего престижный пост руководителя советской науки для возможности творить в тиши собственного кабинета, а не в гуле чиновного. Не будет, видимо, проявлением нескромности, поведать о своих контактах с Басовым, который в кулуарах сообщал: полноценную вовлеченность в исследования возымел он на склоне лет, освободившись от трех десятков общественных обязанностей и нагрузок).

Предельно ясно: жизнь – не игровая функция, на нее не рассчитана; и если осанна – в высших, к чему творить себе кумиров?

Равно нозма в полном праве комбинировать идеально типическими «чистыми» образными формами, как часто мнится, выступающими полнокровными средоточиями – претворениями лелеемых познанием высших ценностей достоверности, доказательности, информативности и т. д. Здесь – проблема. В случае впадения в эпистемологический восторг – экзальтацию по поводу «исключительности», «непогрешимости», «всеядности» каких-то теорий, методов, принципов, некритического пренебрежения «отстранением» (SF заведомо всеобъемлюще не исчерпывают SR) – пышным пустоцветом расцветает фоссилизация: возводятся в канон, абсолютизируются локально справедливые, но тотально требующие корректировки относительности, давая порочный простор «узким» узурпирующим взглядам на вещи.

Именно тут – корень схоластического теоретизирования, паразитического догматического спекулирования, рука об руку идущего с ним механицизма, формализма, эскапизма, начетничества (перверсия лапласовского детерминизма, экономизма, психоанализма, методологического политиканства диалектики, системного подхода, синергетики и т. д.)

В эстеме – героизация, в нозме – фундаментализация; интенции на генерализацию, унификацию, универсализацию метатеоретически объяснимы и понятны: отражают реальную системоцентричную линию унитаризации картин мира. Между тем здоровое чувство гносеологической трезвости вразумляет: всё знают только все; не бывает всесовершенного художественного шедевра (Эрзя по 100-балльной шкале выставил себе за «Моисея» лишь 99); не бывает всесовершенной научной разработки, как и всесовершенного человека, всемерно воплощающего всю полноту человечности (ср. в недавнее время спрягаемую умилительно-ободрительную, но в массовом сознании оставляющую тяжелое впечатление безысходности глумливую фигуру: «...» – «живее всех живых»).

В некотором терминальном восприятии реалий – с позиций *ultima relatione* – всесовершенством эстемы выступает художественность как таковая, нозмы – научность как таковая, человека – человечность как таковая. В целокупной цельно-единой цельности.

Любая, самая эталонная сценография мира рано или поздно внутренне выгорает, отступает перед давлением великого в малом, высвечивающего превосходство наилучшего, что перспективно содержится в нашей имперфектно проявляющей себя предметоадаптивной образности.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977–1978. Т. 2. 582 с.
2. Винокур Г.О. Хлебников. Вне времени и пространства // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.
3. Горлов А. Время и пространство музыки // Проблема музыкальной науки. М.: Советский композитор, 1972. Вып. 1. 396 с.
4. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
5. Ильин В.В. Россия и Запад: борьба миров. Actio popularis. М.: Проспект, 2025. 240 с.
6. Ильин В.В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
7. Ильин В.В. Теория познания. Симвология. Теория символических форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. 384 с.
8. Ильин В.В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Академический проект, 2014. 204 с.
9. Ильин В.В. Теория познания. Философская семантика. М.: Проспект, 2024. 192 с.
10. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 173 с.
11. Ильин В.В. Философская антропология. М.: КДУ, 2008. 231 с.
12. Ильин В.В., Вишневская С.Н., Писаренко И.С., Шафигуллина Т.В., Яловенко Я.В. Археология творчества: к диатетической сценографии «недуг тела – взлет духа» // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. 2025. № 1. С. 19–40.
13. Ильин В.В., Родин П.Н., Сапегина О.П., Шафигуллина Т.В., Яловенко Я.В. Археология творчества: потенциал эстетизма // Российский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 69–89.
14. Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1982. 430 с.
15. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. 484 с.
16. Лузин Н.Н. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 2. 744 с.
17. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994. 448 с.
18. Ман П. де Борьба с теорией // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 6–23.
19. Марков В. О Хлебникове (попытка апологии и сопротивления) // Велимир Хлебников. Собр. соч.: в 3 т. СПб.: Академический проект, 2001. Т. 1. С. 6–40.
20. Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. 847 с.

21. Проблемы ценностного статуса науки на рубеже XXI века. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. 279 с.
22. Соколов В.В. Европейская философия XV–XVII веков. М.: Высшая школа, 1984. 448 с.
23. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М.: Рус. двор, 1998. 254 с.
24. Шкловский В. Диалоги с прошлым // Новый мир. 1984. № 1. С. 233–240.

**THE ARCHAEOLOGY OF CREATIVITY:
THE POTENTIAL OF NOESIS
(article 2)**

V.V. Ilyin*, K.V. Ilyin**

* Bauman Moscow State Technical University, Moscow

** The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow

Exacerbating the intriguing epistemological plot: scientific activity is subject-based, but from some point of saturation it is not innovative; productively expansive scientific activity is not subject-based, the authors outline the prospects for removing the conflict. As a positive view of the nature of things, the author substantiates: the source of the new in the searching spirit is the life-giving force of the subjectively adapted imaginative principle, which triggers the mechanism of productive expanding syntheses.

Keywords: *estema, noema, imagination, productive expanding synthesis.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Общественные науки» Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет), г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ИЛЬИН Кирилл Викторович – студент Института государственной службы и управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва. E-mail: kilin-23@edu.ranepa.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of Social Sciences of the Bauman Moscow State Technical University, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

ILYIN Kirill Viktorovich – student of the Institute of Public Administration and Management The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. E-mail: kilin-23@edu.ranepa.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 28.08.2025.